

— Станислав Сергеевич, вы разделяли общую эйфорию по поводу V съезда кинематографистов три года назад?

— Да, как и все, был очарован переменами. И когда новое руководство нашего творческого Союза кинуло клич «Все вперед!» — я тоже побежал... Бежал-бежал... два года бежал.

— То есть, говоря казенным языком, занимались общественной деятельностью? Какой?

— Был секретарем Одесского отделения Союза, устраивал всякие фестивали и прочее. Так вот, занимался я всем этим, потом оглянулся: а где же те, кто первым побежал, кто громче всех кричал — «Вперед! За мной!»? Их нету рядом.

— Отстали?

— Да, наверное... Тогда и я отстал, вернулся назад, смотрю — они все устроились: одни по заграницам разъезжают, другие в совместных предприятиях процветают, третьи просто наслаждаются спокойной жизнью. А дела Союза между тем все хуже и хуже... Авторитет его, который и до съезда, кстати, традиционно был высоким, заставлявшим считать с ним его противников, за эти три года оказался утраченным, Союз развалился, распался на гильдии, и, самое главное, процесс этот развивается.

если вокруг этой сцены разразится скандал, то это будет лучшей рекламой для фильма.

— Станислав Сергеевич, вы известны как поборник жанрового кино. А что вы скажете о состоянии авторского кино — ему ведь тоже приходится несладко в новых условиях?

— Авторское кино, я считаю, вообще погибло. И погубило его новое руководство Союза — тем, что поставило во главу угла, как будто это главное дело кинематографа. Сегодня авторские фильмы начинают вызывать раздражение даже у тех людей, кто относился к ним снисходительно. На фоне того бедственного положения, в котором находится страна, все эти эстетические изыски вызывают только раздражение. Вот хотя бы последний фильм Кайдановского «Жена керосинщика» — он не вызвал того резонанса, который заслуживает. А ведь режиссер очень талантливый! Следующая его картина, боюсь, вызовет еще большую неприязнь.

— То есть вы хотите сказать, что в подобной реакции виновато не само авторское кино, а искусственно созданный вокруг него ажиотаж?

— Да. Опять перебор. Очередной раз впадаем в крайность.

— Я все-таки не понимаю: вас не устраивает практическое воплощение новой

Станислав ГОВОРУХИН:

ОБА ВАРИАНТА ХУЖЕ

— Какой вы имеете в виду авторитет? Среди кинематографистов или шире — в общественном мнении?

— ...и у правительства — везде! На Западе, правда, он еще сохраняется, но это ненадолго.

— Давайте конкретизируем этот диагноз. Вот вы снимали свой последний фильм «Брызги шампанского» уже в условиях перестройки кинопроцесса. Как это сказало на вашей работе?

— Если я и почувствовал перемены к лучшему, то лишь по одной причине — раньше снимал на провинциальной Одесской студии, теперь — на «Мосфильме», да еще и не обычный фильм, а госзаказ. Так что перестройка тут ни при чем. Но в общем ситуация, пожалуй, лучше не стала. Как раз во время съемок картины начался тот процесс, который сегодня все более заметен, многие из профессионалов бегут в кооперативы, потому что там лучше платят.

— Это что, так существенно для искусства?

— Ну, а как же?! Недаром ведь говорится, что кино — искусство синтетическое. Если вдуматься, то режиссура — это такая странная профессия, в которой, может быть, достаточно окружить себя талантливыми и трудолюбивыми помощниками — и будет результат. Но попробуйте сегодня это сделать! Чего стоит собрать хорошую группу — оператора, художника, второго режиссера, если вы не можете заманить их ни поездкой за рубеж, ни высокой зарплатой. Все это я испытал в полной мере на последней картине, и хотя группа в конце концов собралась прекрасная, но, например, в самый ответственный момент один из ассистентов взял и ушел в кооператив.

— И насколько это типичная ситуация?

— Да это сейчас одна из главных болезней кинематографа!

— Ну, а как же творческая свобода,

которой, наконец-то, добились кинематографисты? Разве это не достижение?

— Да, свобода действительно обречена — делай что хочешь. Но у нас и здесь уже перебор. Как у незадачливого игрока. Наш народ, наше государство оказались в глубокой нравственной пропасти. И начинаешь думать: наверно, что позволено Западу, то не позволено нам. Вот пример: совсем недавно я присутствовал на допросе мальчика. Он рассказывает: «Мы посмотрели видеофильм, и нам захотелось кого-нибудь убить». Вышли из дома, сели в такси, нанесли таксисту более пятидесяти ножевых ран, а когда он, уже агонизируя, укусил одного из этой компании за палец, ему за это еще и вырезали глаза. То есть, если по части мяса и молока нам Америку никак не удастся нагнать, то по части насилия, секса, эротике, как только появилась возможность, — мгновенно перегнали. Так не пора ли остановиться? Поразмыслить, что с этим делать? Какой-то контроль нужен — государства ли, общественной ли организации.

— Опять политика запретов?

— Не знаю. Но прихожу к выводу, что у нас и общество безнравственно, и художники. Лишь единицы озабочены тем, чтобы воспитать в молодом человеке такие необходимые качества, как честь, благородство, достоинство, настоящее мужество, которое не в том заключается, чтобы устроить драку, а в том, чтобы не задумываясь о последствиях, броситься на защиту женщины... А подавляющее большинство «творцов» хлопочут совсем о другом — чтобы картина хорошо прошла, чтобы получила резонанс, чтобы съездить с ней на фестиваль и т.д.

— Вы считаете, что творческий союз мог бы способствовать оздоровлению нравственного климата?

— Если бы был мощной, влиятельной организацией, авторитетной в первую

очередь для самих художников. Вот такой Союз, будучи озабочен общими проблемами развития искусства, его влиянием на общество, мог бы и посоветовать художнику, и даже запретить ему что-то — думаю, это не страшно, даже нужно. Нам, чтобы выбраться из глубочайшей пропасти, нужны и дисциплина, и организованность, и высокий дух, и высокие моральные качества — их нужно воспитывать, и средствами искусства тоже.

— А будет ли этому способствовать установка на рынок, на коммерческий успех, заложенная в новой «модели» кинематографа? Вы ведь когда-то ратовали за коммерциализацию?

— Ну так что же, я тоже меняюсь. И сегодня я убежден, что коммерциализация при нашей нищете неизбежно примет особенно уродливые формы. Нет техники, нет средств, нет, наконец, кадров. Поэтому все ищут легкого успеха: из ничего извлечь что-то, приносящее прибыль. И это «что-то» — тема, которую будут всю эксплуатировать. Ну, такая, например — жизнь Зои Федоровой. Заманчиво? Романтическая любовь с иностранцем (опять же в Америку можно съездить), сталинская тюрьма, дочь, которая вынуждена была уехать за океан, наконец, загадочное убийство... Гарантированный успех! И ни особых средств, ни техники, ни выдумки не требуется. Снимаю биографию — и все.

Да мы просто потонем в безбрежной конъюнктуре — уже тонем. Раньше с ней хоть боролись в государственном масштабе, теперь ей нет преград. Даже в таком потрясавшем фильме, как «Маленькая Вера», есть абсолютная конъюнктурная сцена — постельная. Что, без нее фильм проиграл бы? Да насколько. А просто молодой режиссер понимал, что

модели кинематографа или сама идея этой модели?

— Далося вам это слово — «модель». Да оно звучит только в стенах Союза, вне которых такого понятия просто не существует! Я даже не хочу вникать в него, потому что мне претят любые кабинетные учения. К сожалению, история нас ничему не научила. Сколько уж мы дров наломали, пытаюсь внедрять в жизнь отвлеченные идеи, экспериментируя на целых народах. Ну, какие страны в мире строят капитализм по намеченному плану? Просто живут, как подсказывает здравый смысл, сообразуясь с житейской логикой, как удобно гражданам. Одни мы претворяем теории в жизнь. Сейчас чем заняты наши ученые? Сочиняют теорию перестройки. Придумают законы и скажут: вот по ним надо жить. А где гарантия, что через сколько-то лет не выйдет на трибуну новый лидер и не скажет: «К сожалению, прежнее руководство допустило ряд ошибок...»?

Модель кинематографа придумана в кабинете, хотя и светлыми головами — учеными, режиссерами, критиками, но — придумана. Вне связи со всей жизнью страны, вне тех процессов, которые происходят сегодня и которые невозможно было предвидеть три года назад. Это революционная выдумка — не более. Утопия, опасная еще и тем, что предполагает строить новое на руинах. Начали ведь с того, что поломали старую систему, в том числе и то, что в ней было дельного и разумного. А взамен — пшик.

— Как бы то ни было, но, по моему, сомневаться в благих намерениях инициаторов этих перемен не приходится. Хотя вы, насколько я понимаю, считаете, что они не выдержали испытания властью. Неужели вам милее прежнее порядки и прежнее руководство Союза?

— Во всяком случае, нет оснований думать, что те, кто руководил Союзом до съезда, в нравственном отношении уступали нынешним. Несмотря на все их ошибки, это были люди, прошедшие войну, они сохраняли веру в какие-то идеалы, были искренне преданы искусству. Что ж мы так лихо от них откристились? Постыдно участие сообщества людей, в главном совете которого нет старейшин... Я все-таки очень надеюсь увидеть в новом составе секретариата, который будет избран VI съездом, и Бондарчука, и Ростюцкого, и Зархи, и Райзмана, и Хейфица — людей, составляющих гордость нашего кинематографа.

— Короче говоря, из всего сказанного можно сделать вывод, что вы не ждете ничего хорошего ни от экстренного съезда, ни от самого Союза кинематографистов?

— Абсолютно ничего. Особенно после неудачи этого, «революционного» съезда. Кто теперь придет на смену? Реакционное руководство? Молодежь? Какой вариант лучше? По мне — оба хуже.

Беседу вела

Галина ЧЕРМЕНСКАЯ.

КИНОКРИТИКИ О ТЕКУЩЕМ РЕПЕРТУАРЕ

ОКТАБРЬ
6X6

	Б. Берман	А. Кагарлицкая	В. Кичин	И. Рубанова	А. Трошин	Т. Хлопьянина
«Бич божий» реж. О. Филалов	****	****	****	—	—	****
«Восхождение на Фудзияму» реж. Б. Шамшиев	**	—	**	***	***	—
«Жена керосинщика» реж. А. Кайдановский	*****	***	****	****	***	—
«Наш бронепоезд» реж. М. Пташук	****	***	****	***	****	***
«Ошибки юности» реж. Б. Фрумин	***	—	**	****	***	****
«Поджигатели» реж. А. Сурин	***	***	****	—	—	****

Оценки: ***** — великолепный фильм, **** — хороший, *** — ничего выдающегося, ** — неудачный, * — непрофессиональный. Прочерок означает, что критик этот фильм не видел.

НА СНИМКАХ: кадр из фильма «Брызги шампанского» (внизу); С. Говорухин на съемочной площадке (вверху).